

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В ИСТОРИИ РОССИИ: ПРОБЛЕМА ПРЕЕМСТВЕННОСТИ

Е. Г. Неклюдов

УРАЛЬСКИЕ ЗАВОДЧИКИ XVIII — НАЧАЛА XX В.: ВАРИАНТЫ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ПРАВА ВЛАДЕНИЯ

doi: 10.30759/1728-9718-2021-3(72)-70-80

УДК 94(470.5)“17/19”

ББК 63.3(235.55)5

На основе обширной информации из истории уральских горнозаводчиков Строгановых, Демидовых, Лазаревых, Всеволожских, Белосельских-Белозерских, Балашовых, Яковлевых и Турчаниновых рассматриваются как типичные, так и специфические варианты преемственности права владения заводами при смене поколений. Показано, что эта процедура в XVIII — начале XX в. регулировалась законодательством, которое устанавливало обязательные для исполнения правила, но вместе с тем предоставляло ее участникам довольно широкий выбор вариантов транзита владения. Первостепенное значение при этом приобретал состав наследников, который мог быть как простым, включавшим только сыновей или дочерей владельца, так и сложным, включавшим лиц обоих полов, представителей нескольких поколений или боковых линий рода. Существенное влияние оказывала также форма организации наследуемого имущества, представлявшая собой либо обширные и довольно аморфные «горные империи», что было характерно для XVIII в., либо сбалансированные и устойчивые территориально-хозяйственные комплексы — горнозаводские округа, как в XIX — начале XX в. В первом случае становился возможным «натуральный» раздел заводов между наследниками, во втором — более рациональным оказывался «долевой» раздел при сохранении общего владения нескольких наследников. Однако этот вариант приводил к формированию многовладения с характерной для него непредсказуемостью дальнейшей судьбы «родового дела». Играли свою роль и экономические возможности семьи, которые позволяли осуществить денежный и/или имущественный «выдел» части наследников. Это вело к сокращению состава владельцев и достижению основной цели — установлению стабильного и бесконфликтного владения и управления горнозаводским именем.

Ключевые слова: *Урал, XVIII — начало XX в., горнозаводчики, преемственность, наследование, горнозаводские округа*

Значение фактора преемственности при формировании «родового дела» уже неоднократно подчеркивалось исследователями истории российского предпринимательства. При этом акцентировалась роль семьи в консолидации бизнеса, отмечалось значение «генеалогической устойчивости» рода, влиявшей на продолжительность владения, рассматривались преемственность вложенных в торгово-промышленное дело капиталов и отношение представителей рода к хозяйственным обязанностям.¹ Обращалось внимание на значение сословного статуса и фактора нобилитации в

эволюции предпринимательского рода, а также на влияние на этот процесс семейных отношений и перипетий развития семьи.²

Нам представляется возможным рассмотреть многоаспектную проблему преемственности еще и в семейно-правовом ракурсе, предметом которого являются используемые предпринимателями варианты транзита владения при смене поколений. На примере заводчиков Демидовых мы уже прослеживали применявшиеся ими формы передачи собственности наследникам в зависимости от динамики процесса формирования горнозаводских округов.³ Накопленные сведения об уральских

¹ См., напр.: Менталитет и культура предпринимателей России XVII–XIX вв. М., 1996; История предпринимательства в России. М., 2000. Кн. 1, гл. 6; Кн. 2, М., 1999. Ч. 3, гл. 1; Барышников М. Н. Семья в институциональном пространстве российского предпринимательства (опыт исторического исследования) // Вопросы экономики. 2005. № 7. С. 150–156; и др.

² См., напр.: Неклюдов Е. Г., Пирогова Е. П. Наталья Алексеевна Колтовская: коллизии личного и общественного в судьбе дочери А. Ф. Турчанинова // Урал. ист. вестн. 2010. № 4 (29). С. 46–54; Бочкарева Е. С., Неклюдов Е. Г. Формирование Златоустовского горнозаводского округа во владении рода Лутиных (1760–1790-е гг.) // Вестн. ЮУрГУ. Сер. «Социально-гуманитарные науки». 2020. Т. 20, № 1. С. 33–38; и др.

³ См.: Неклюдов Е. Г. Наследники и наследство: формы передачи горных заводов при смене поколений рода Демидовых в XVIII — начале XX в. // Урал. ист. вестн. 2017. № 1 (54). С. 40–49.

заводчиках — владельцах этих масштабных территориально-хозяйственных комплексов, сложившихся в специфических природных и социально-экономических условиях региона к началу XIX в., — предоставляют широкие возможности для дальнейшего изучения темы. В частности, при использовании ситуационного анализа они дают основание для презентации вариантов преемственности права владения при разном составе наследников. Роды заводчиков Строгановых, Демидовых, Лазаревых, Всеволожских, Белосельских-Белозерских, Балашовых, Яковлевых, Турчаниновых и др. за более чем двухвековой период показали примеры самых разнообразных вариантов перехода наследства, включая передачу его одному или нескольким лицам, по прямой или боковым линиям родства, сыновьям и/или дочерям, совершеннолетним и/или «малолетним» наследникам и пр.⁴ Судя по значительному количеству сохранившихся актовых материалов, этот вопрос оставался в центре внимания заводчиков как в XVIII, так и в XIX — начале XX в. Их богатый опыт решения проблемы преемственности ценен не только в историческом ракурсе, он может быть полезен и современным предпринимателям, озабоченным судьбой своего бизнеса.⁵

Вариант 1: наследники — сыновья

Из всех вариантов транзита владения наиболее частым оказывался переход заводского имущества к сыновьям. Они считались «предпочтительными наследниками» не только в силу сохранявшихся в обществе патриархальных традиций. Передача им наследства как «ближайшим» родственникам формировала и охраняла лежавшее в основе преемственного предпринимательства «родовое» имущество, которое по законам Российской империи имело особый правовой статус. В частности, в отличие от имущества «благоприобретенного» (то есть приобретенного самим наследодателем), оно не могло завещаться по желанию владельца и передавалось лишь «кровным родственникам» по установленным прави-

лам, которые отдавали преимущество именно сыновьям.⁶

Наиболее желательным вариантом решения проблемы преемственности был переход владения к одному сыну, что не только сохраняло дело в границах рода и в целом виде, но и облегчало управление им. Простейшим случаем можно считать наличие в семье единственного сына-наследника. Но такие примеры являлись в то время редкостью из-за преобладания многодетных дворянских семей. Наличие в семье, наряду с сыном, дочерей усложняло ситуацию с наследованием, но не делало ее неразрешимой, поскольку они являлись неравнозначными наследниками. По действовавшим с 1731 г. нормам, в таком случае дочерям отделялось лишь по 1/14 доли наследуемого недвижимого имущества (до 1912 г., когда дочери были уравнены в правах с сыновьями⁷), которую они могли получить в денежной или натуральной форме. Причем дочерям, которые выходили замуж еще при жизни родителей, как правило, выдавалось приданое, равное стоимости их «наследственной доли», что исключало их участие в наследовании остального имущества. Так, в частности, произошло при переходе владения Пермским именем Лазаревых с Чёрмозскими заводами, Кизеловскими каменноугольными копиями и Усольскими соляными промыслами после кончины княгини Елизаветы Христофоровны Абамялек-Лазаревой в 1904 г. Замужние дочери: княгиня Екатерина Мещерская, княгиня Елена Гагарина и графиня Елизавета Олсуфьева — еще при жизни матери были выделены «рядными записями» и не претендовали на наследство. Суду в такой ситуации не потребовалось даже «публикации о вызове наследников», поскольку «к наследственному имуществу права по закону были предъявлены только состоящим в должности шталмейстера действительным статским советником князем Семеном Семеновичем Абамялек-Лазаревым»⁸ — единственным сыном заводчицы.

В случае же участия в наследстве, наряду с сыновьями, малолетних или незамужних дочерей действовали упомянутые выше правила. В такой ситуации, например, Никита Акинфиевич Демидов, владелец Нижнетагильских

⁴ См.: Павленко Н. И. История металлургии в России в XVIII в.: заводы и заводовладельцы. М., 1962; Неклюдов Е. Г. Уральские заводчики в первой половине XIX в.: владельцы и владения. Нижний Тагил, 2004; Он же. Уральские заводчики во второй половине XIX — начале XX в.: владельцы и владения. Екатеринбург, 2013.

⁵ См., напр.: Календжян С., Волков Д. Развитие семейного предпринимательства в России // Экономическая политика. 2011. № 5. С. 148–154.

⁶ См.: Свод законов Российской империи. 1857. Т. 10. Законы гражданские. Ст. 383–405, 1104–1161, 1315–1345.

⁷ См.: Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗ). Собр. 3-е. Т. 32. № 37184.

⁸ РГИА. Ф. 880. Оп. 1. Д. 798. Л. 1–1 об.

заводов на Урале и многочисленных, большей частью благоприобретенных имений в Центральной России, в 1784 г., за два года до кончины, заблаговременно распорядился оставить «родовые» заводы в полном составе сыну Николаю (к нему в итоге перешли имения с 11 450 рев. душами), а малолетним дочерям Екатерине и Марии передал свои не уральские вотчины, ценность которых вдвое превышала причитавшиеся им доли наследства (4 875 рев. душ «сверх денег и драгоценностей»). Вероятно, таким путем заботливый отец пытался предотвратить их возможные в будущем обиды и имущественные претензии к брату.

В отличие от «натурального выдела» наследниц, использование денежных расчетов, которые, как правило, осуществлялись из заводских доходов, оказывалось более проблематичным из-за нестабильной конъюнктуры рынка металлов в стране. Примером могут служить владельцы южно-уральских заводов Белосельские-Белозерские. После кончины князя Эспера Александровича в 1846 г. принадлежавший ему Катавский округ сначала оказался в общем владении вдовы Елены Павловны (урожденной Бибиковой), малолетнего сына Константина и незамужних дочерей Елизаветы и Ольги. Но когда в 1861 г. сын достиг совершеннолетия, совладелицы, «желая оставить имение в роду князей Белосельских-Белозерских», добровольно передали ему свои доли владения, получив «выдел деньгами» взамен следующих им по закону «указных частей». Матери тогда достались 810 тыс. руб. (по тем же правилам 1731 г., вдова могла претендовать на 1/7 часть недвижимого имущества), уплата которых рассрочивалась на 10 лет, сестрам — «к прежде выданным им 155 тыс. руб. ...еще по 350 тыс. руб. серебром каждой в течение семи лет со дня совершения записи».⁹ Однако финансовые неурядицы пореформенного времени заставили пересмотреть прежние договоренности. «По неудобству к выполнению той записи со стороны князя Константина Эсперовича», в 1869 г. родственники заключили новый договор, заменив обременительные денежные выплаты передачей матери и сестрам части столичной недвижимости и не уральских имений семьи.

Вместе с тем наличие в семье единственного сына-наследника при всей своей кажущейся привлекательности могло заключать в себе и

опасность столкнуться с «недостойным владельцем». В истории уральских заводчиков подобные прецеденты случались неоднократно. Так, упомянутый выше Николай Никитич Демидов, вступивший во владение Нижнетагильскими заводами в 14-летнем возрасте, «по малолетству» оказался под опекой генерал-аншефа Н. Д. Дурново и тайного советника А. В. Храповицкого. Однако даже попечительство таких влиятельных особ не предотвратило накопления громадных личных долгов, особенно возросших после женитьбы на баронессе Елизавете Александровне Строгановой. «Последнюю их причину, — позже оправдывался заводчик, — были единственно несовершеннолетние мои лета».¹⁰ Финансовая несостоятельность Демидова послужила причиной продления опеки после достижения им совершеннолетия уже как над «расточительным» владельцем. Только расположение императора Павла I и банковский залог спасли Нижнетагильские заводы от продажи, а их молодого владельца — от банкротства. Отметим, что в зрелые годы Н. Н. Демидов изменил свое отношение к заводам, превратившись в ответственного и заботливого хозяина.

Способ соединить желаемое моновладение с возможностью выбора наследника представлял известный петровский указ о единонаследии 1714 г.¹¹ Опираясь на него, Никита Демидович Демидов передал все свои уральские заводы старшему сыну Акинфию. При этом он не оставил без средств и двух других сыновей — Григория и Никиту, — предварительно выделив им крупные суммы, движимое и недвижимое имущество, включая несколько основанных им металлургических предприятий в Тульско-Каширском районе. Однако завещание самого Акинфия Никитича, составленное после отмены закона (в 1730 г.) в пользу младшего сына Никиты, уже не соответствовало восстановленному праву «отцам и матерям детей своих делить [наделять — *Е. Н.*] по Уложению всем равно».¹² Как известно, оно было опротестовано старшими сыновьями Прокофием и Григорием, которые добились «равного раздела» отцовского наследства. Это привело к распаду в 1758 г. демидовской «горной империи» на Урале, включавшей 16 заводов, на отдельные части.

Раздел горнозаводских имений усложнялся необходимостью не только учитывать

¹⁰ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 7. Д. 121. Л. 6; Д. 208. Л. 8 об.

¹¹ См.: ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 5. № 2789.

¹² Там же. Т. 8. № 5653, 5717.

⁹ Там же. Ф. 37. Оп. 3. Д. 1039. Л. 1.

количество крепостных душ (до 1861 г.) или стоимость имущества, но и сохранять дееспособность отделяемых предприятий. Так произошло, например, в описанном выше случае: унаследованные братьями части демидовской «горной империи»¹³ могли функционировать самостоятельно. Впоследствии они стали основой для Невьянского, Нижнетагильского, Суксунского и Ревдинского горнозаводских округов. Однако когда формирование округа как сбалансированного хозяйства завершалось, раздел заводов оказывался трудновыполнимым или даже невозможным. Приходилось делить не заводы, а право владения ими, что неизбежно вело к образованию многовладения, которое усложняло управление и вызывало конфликты между совладельцами.

Попытку избежать такого вполне прогнозируемого результата предпринял, в частности, Еким Лазаревич Лазарев, имевший трех сыновей-наследников. В 1821 г., за пять лет до кончины, он с их согласия составил предварительный «раздельный акт», в соответствии с которым Пермское горнозаводское имение поступало «в вечную и потомственную собственность» старших сыновей Ивана и Христофора, находившихся в дружеских отношениях, а конфликтному младшему сыну Лазарю взамен участия в общем владении передавались благоприобретенное тульское имение и «в уравнение ценности определенной каждому 1/3 части» 2 млн руб. ассигнациями с рассрочкой выплаты на 10 лет.

Однако после кончины отца старшие братья не смогли сразу начать «выдел» Лазаря, поскольку имение еще не было «очищено» от первоочередных долгов. По настоянию младшего брата, в 1840 г. условия договора были пересмотрены и выплаты увеличены на 150 тыс. руб. Заняв деньги в банке, к 1858 г. братья закончили расчет с Лазарем. Но в том же году после кончины бездетного Ивана только что «выделенный» Лазарь вновь оказался совладельцем 1/4 части «родового» Пермского имения. «Вместе и совокупно ни владеть, ни управлять, ни по доверенности, ни по чему иному невозможно с зловерным сонаследником, мелочным, подозрительным, обидчиком, скупым, вздорным, строптивым, даже необу-

зданным в строптивости, в бестолковщине, в притязаниях, в раздорах, в распрях, изветах и в других постыдных поступках, по коим он известен», — сокрушался возмущенный Христофор.¹⁴ На этот раз освободиться от нежелательного совладельца ему помогло посредничество авторитетного графа С. Г. Строганова. После долгих переговоров в 1860 г. они все-таки сумели договориться: новый «выдел» младшего брата обошелся в 1 855 тыс. руб. «Чтобы сполна заплатить, кончить и расстаться», Христофор занял часть денег и уже к декабрю 1862 г. завершил выплаты брату. В его домашней конторе подсчитали, что за два отказа от владения Пермским имением Л. Е. Лазарев получил тульское имение с 1,2 тыс. рев. душ, два каменных дома в Москве и Петербурге и более 4 млн руб. Обременив имение крупными долгами, Х. Е. Лазарев все-таки добился своей цели — единоличного владения одним из богатейших горнозаводских имений в России, избавленного от опасного по своим последствиям дробления на части.

В те же годы в соседнем Пермском имении Всеволожских с Пожевскими заводами, Всеволодо-Вильвенскими золотыми и Усольскими соляными промыслами происходили не менее драматичные события. Его владелец Всеволод Андреевич Всеволожский, за свои богатства прозванный «русским Крёзом», умер в 1837 г., находясь под попечительством за крупные долги. По закону имение перешло в общее владение сыновей — церемониймейстера Александра и егермейстера Никиты, известных представителей петербургской богемы. Не конфликт между братьями, а необходимость рассчитаться с перешедшими к ним огромными долгами подтолкнула к идее раздробить обширное имение на две самостоятельные части, которые легче было сдавать в аренду. «Силы отдельных капиталистов могут привести обороты и производство в соразмерность с богатством источников и огромностью столь значительного владения, а по миновании срока аренды передать нам с увеличением дохода, чего Попечительство сейчас, при неимении свободных капиталов, никак достигнуть не может»,¹⁵ — полагали владельцы и их покровители.

В 1849 г. они совершили «фактуальный» раздел всех своих имений, включая шесть

¹³ «Горными империями» мы называем региональные группы предприятий, или кластеры, связанные не столько производственным процессом, сколько общностью владения, которые формировались на начальном этапе развития промышленности.

¹⁴ РГИА. Ф. 880. Оп. 1. Д. 452. Л. 7–7 об.

¹⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 3517. Л. 2–34.

Пожевских заводов. Главным условием при этом стало не столько сохранение производственных связей между предприятиями, сколько равенство доходов от продажи металлов. В результате исторически сложившийся заводской комплекс был разрушен, а для создания двух новых потребовались значительные капиталы. Уже в 1850-е гг. начались перебои с выплатой казенных долгов, что в итоге привело к назначению обеих частей уральского имения в публичную продажу. За счет уступки государству астраханских и ставропольских рыбных промыслов и сдачи в аренду золотых приисков владельцы отдали на время продажу заводов. Но их наследники, так и не оправившись от последствий раздела, в 1880-е гг. вынуждены были расстаться со всеми своими уральскими имениями.

У владельцев Симских заводов Балашовых дважды сложилась ситуация, когда наследниками оказывались братья. Причем оба случая были схожими, но не вполне типичными. После кончины экс-министра полиции Александра Дмитриевича Балашова в 1837 г. владение перешло к сыновьям: Петру, Александру и Ивану. После гибели на Кавказе в 1841 г. бездетного Ивана его 1/3 доля владения должна была отойти Петру и Александру «в равных частях». Однако еще при жизни Ивана между братьями был заключен «домашний акт», по которому 2/3 всего недвижимого имущества доставались Александру и только 1/3 часть — Петру, что, судя по всему, было обусловлено долгами старшего брата. В соответствии с согласованным проектом раздела, Симские заводы, по стоимости примерно равные 2/3 всего наследуемого имущества, переходили к Ивану. В завещании, составленном Петром накануне отъезда на лечение в Рим в 1843 г., он просил своих наследников безоговорочно исполнить его волю в случае кончины, убеждая, что договор с братом «служит изображением бывших между нами отношений, кои по милости Божией ни на одну минуту и ни в каком случае никогда ни малейшее не помрачали свыше посланный дар истинной братской любви, друг друга... утешавший в сей жизни».¹⁶

Однако через год, когда Александр навещал брата с целью составления «раздельного акта», тот, видимо, под влиянием жены Александры Ивановны (урожденной графини Паскевич-Эриванской) стал настаивать на

оставлении за собой уральского имения. Как свидетельствовал присутствовавший при этом поверенный В. Е. Самарский-Быховец, «крайне опасное положение Петра Александровича, его болезненная раздражительность, не допускавшая ни малейшего противоречия, не позволяли ни оспаривать, ни отлагать совершение раздела, особенно Александру Александровичу, не желавшему воспользоваться важным по семейным обстоятельствам предоставленным ему правом... получения 2/3 всего имения».¹⁷ Договор был подписан за два месяца до кончины камергера П. А. Балашова; вскоре скончалась и его вдова. Симские заводы достались их малолетним сыновьям — Николаю и Ивану, находившимся под опекой своего знаменитого деда-фельдмаршала.

В 1864 г. они тоже заключили между собой устную договоренность о разделе всего наследуемого имущества. Однако уральское горнозаводское имение оставалось в общем владении до 1886 г., когда оно по новому договору перешло к Николаю. При этом Иван получил взамен своей доли 750 тыс. руб. на особых условиях: в случае продажи имения или возростаания его оценки эта выплата должна была пополниться до половины новой суммы. Через 26 лет это условие стало поводом к размолвке между братьями. В 1912 г. Н. П. Балашов провел акционирование Симского горнозаводского округа, которое формально считалось продажей, но передал брату акции на сумму, которую тот счел заниженной, поскольку из нее был исключен ипотечный долг. «Я тогда же возразил брату, — пояснял Иван причину своего недовольства, — что ипотечный долг меня не касается, так как он взял ссуду в Государственном банке уже после заключения договора со мною и все деньги взял себе, а потому они составляют его личный долг... Но он утверждал, что самая ценность имения уменьшилась вследствие этой ипотеки... Спорить с ним я не мог из-за его болезненной раздражительности, опасаясь прямо за его жизнь».¹⁸ Не рассчитывая на сговорчивость брата, в завещании, составленном в 1915 г., обер-егермейстер И. П. Балашов, как в свое время и его дядя, великодушно уступил брату деньги, на которые заявлял ранее свои права.

¹⁷ Там же. Д. 1. Л. 2–8 об., 111–112, 136–142 об.

¹⁸ Там же. Д. 22. Л. 31–36 об.

¹⁶ РГИА. Ф. 892. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–9 об.

Вариант 2: наследницы — дочери

Наличие в составе наследников только дочерей было менее желательным по своим последствиям вариантом передачи владения, чем при переходе его к сыновьям. В этом случае после их замужества многократно (в зависимости от количества наследниц) возрастала вероятность дробления имущества и связанного с этим общего ослабления хозяйства. Другим неизбежным следствием становилась постепенная утрата связи перешедшего по женской линии «родового» имущества с фамилией родоначальника.

Именно такими оказались результаты транзита владения, когда после кончины в 1780 г. симбирского купца, получившего чин коллежского асессора, Ивана Семеновича Мясникова (в компании с И. Б. Твердышевым он создал крупнейшую «горную империю» на Южном Урале в составе 10 заводов) наследство перешло «в равных частях» к его замужним дочерям: Ирине Бекетовой, Дарье Пашковой, Аграфене Дурасовой и Екатерине Козицкой. После урегулирования отношений с наследниками компаньона в 1785 г. они осуществили раздел недвижимого имущества, предпочтя моновладение совместному владению. Каждая из сестер оказалась тогда владелицей отдельного горнозаводского хозяйства, обособившегося от «горной империи» «фундаторов» заводов. Впоследствии эти хозяйства станут основой Симского, Белорецкого, Юрюзанского и Катавского округов. Они надолго останутся во владении потомков И. С. Мясникова, ни один из которых, впрочем, не носил фамилию основателя.

Другой показательный случай, связанный с переходом владения к нескольким дочерям, произошел в 1818 г. после кончины владельца Алапаевских заводов действительного статского советника Сергея Саввича Яковлева. Его наследницами стали Софья Манзей, Надежда Шишмарева, Елена Никитина, Любовь Сабир, Екатерина Авдулина, Анна Шишмарева и Варвара Альбрехт. Однако решение сестер оказалось в этом случае иным. «По взаимному согласию для дружбы и благосостояния имения» они договорились владеть заводами совместно, получая равные доли от прибыли. Только через 30 лет, в 1847 г., когда скончались уже четверо из семи сестер и владение перешло к их наследникам, был составлен нотариальный «раздельный акт», закрепивший

за каждой первичной женской линией рода одну условную долю владения. Оставление заводов в общем владении оказалось в этом случае следствием не только доброжелательного отношения сестер друг к другу, но и очевидной нецелесообразности делить уже сформировавшееся к тому времени окружное хозяйство, которое требовало лишь структурного обновления. Алапаевский горнозаводский округ сохранился у многочисленных потомков сестер Яковлевых до акционирования в 1907 г. При этом, как и в описанном выше случае, ни один из них не унаследовал родовую фамилию, хотя официально все совладельцы еще долгое время именовались в документах «наследниками С. С. Яковлева».

Перспектива дробления имения и выхода его из владения рода в те же годы встала и перед представителями одной из двух ветвей Строгановых. Известный в царствование Александра I граф Павел Александрович Строганов и его жена Софья Владимировна (урожденная княжна Голицына) вынуждены были предпринять заблаговременные экстраординарные меры, когда после гибели их единственного сына Александра в битве при Краоне в 1814 г. принадлежавшее им обширное Пермское имение с Билимбаевскими заводами и Усольскими соляными промыслами должно было перейти к дочерям: Наталье, Аглаиде, Елизавете и Ольге.

В 1817 г. по просьбе родителей и с санкции императора это имение было признано «заповедным», то есть переходящим «по особому порядку наследования», «неприкосновенным и нераздельным во владении одного лица из потомства графа Строганова». Такое решение, принимавшееся, как правило, в случае угасания дворянского рода (в данном же случае прекращалась лишь одна из двух ветвей рода), предопределили не только давние дружеские отношения императора и графа, но и официальное признание особого «права верховного владения» Строгановых на «выслуженные вотчины» в Прикамье. Именно это и давало юридическое основание Павлу Александровичу просить «закрепления этих прав путем обращения Пермского имения в заповедное».¹⁹ «Майоратный акт», утвержденный уже после скоростной кончины графа, установил, что имение первоначально переходило

¹⁹ Род Строгановых / Мезенина Т. Г. [и др.]. Екатеринбург, 2007. С. 197.

в пожизненное владение вдовы, которая обязывалась не только «очистить» его от «немаловажных казенных и частных долгов», но и «устроить участь» незамужних дочерей. Старшая из них, Наталья, в свое время наследовала майорат, другие дочери получали крупную денежную компенсацию и могли претендовать на «заповедное» имение лишь в случае угасания ее линии рода. При этом будущему мужу наследницы передавались фамилия и титул графов Строгановых. Однако этот вопрос Софья Владимировна решила по-своему: старшую дочь она выдала замуж за представителя другой ветви рода — барона С. Г. Строганова, который после свадьбы обрел лишь новый титул. Соединение двух ветвей Строгановых впоследствии приведет к объединению и принадлежавших им двух уральских «родовых» вотчин, превратив Строгановский майорат в крупнейшее в России частное имение.

Уже не раз упоминавшиеся заводчики Лазаревы в похожей ситуации пошли иным путем. Как и у Строгановых, в семье действительного тайного советника и камергера Христофора Екимовича Лазарева и его жены Екатерины Эммануиловны (урожденной княжны Манук-Бей) произошла трагедия: в семилетнем возрасте скончался их единственный сын Иван. Наследницами Пермского имения остались дочери: графиня Мария Нирод, графиня Анна Деянова и княгиня Елизавета Абамелек. В духовном завещании, составленном в 1871 г. за несколько дней до кончины, владелец просил «нежную супругу и дочерей... никак не подвергать разделу Пермское имение и ни под каким видом не допускать выдела из него каких-либо частей в отдельное их пользование, но оставить его в общем владении навсегда и делить по закону между собой справедливо только доходы».²⁰ Разделенное имение, по убеждению заводчика, не только потеряло бы свою ценность, но и не смогло бы стабильно функционировать.

Однако наследницы нашли иную законную возможность соблюсти непереносимое желание родителя, вероятно, учтя описанную выше историю перехода наследства к нему самому. Вступив во владение, они составили «раздельную запись», согласившись передать имение «в единоличную собственность» Е. Х. Абамелек и получать взамен денежный «выдел» с рассрочкой на несколько лет. Выбор младшей

сестры в качестве владелицы был обусловлен, очевидно, тем, что с 1862 г. Пермским имением управлял ее муж — князь С. Д. Абамелек, облеченный «неограниченной властью и полным доверием» престарелого владельца. В упомянутом завещании Х. Е. Лазарев выражал «искреннее желание», чтобы и после его кончины имением по-прежнему управлял «любимый и достойный зять и друг», как «вполне ознакомленный уже с делами имения в течение 10-летнего его трудолюбивого управления».²¹ Так богатейшее Пермское имение Лазаревых без потрясений перешло во владение князей Абамелек, которым в 1873 г. было разрешено именоваться князьями Абамелек-Лазаревыми.

Вариант 3: сложный состав наследников

Самым нежелательным вариантом преемственности права владения можно считать переход «родового дела» к нескольким наследникам, относившимся к разным линиям, поколениям и гендерным группам. Его опасность заключалась в том, что по закону наследники получали неравные доли в совместном владении, что определяло значение каждого из них в общем управлении и распределении доходов вне зависимости от личных амбиций. В большинстве известных нам случаев это приводило к конфликтам между совладельцами, негативно отражавшимся на развитии заводов.

Как уже упоминалось, избежать такого сложносоставного владения было возможно путем дробления заводского хозяйства. Но оно не только было трудновыполнимым, но и не страховало от конфликтов при дележе имущества. Примером тому служит раздел наследства коллежского асессора Саввы Яковлевича Яковлева, путем покупки и строительства заводов создавшего на Урале во второй половине XVIII в. крупнейшую «горную империю» в составе 22 заводов. Незадолго до кончины в 1784 г. он по завещанию предоставил основную часть заводов в совместное владение жены Марьи Ивановны (урожденной Резвых) и сыновей: Петра, Гавриила, Ивана и Сергея. Как писал заводчик, «сия часть недвижимого имения сопряжена с такою экономией, что... без разорения доходу раздроблять его не можно; а сверх того и опыты доказывают, что от частых раздроблений при разделах приходят многие

²⁰ РГИА. Ф. 880. Оп. 1. Д. 1966. Л. 1–5 об.

²¹ Там же.

дома в упадок».²² Семерым малолетним детям умершего сына Михаила он выделил другую небольшую группу заводов, дома и торговые лавки в столице, а дочери Анне Баташовой — крупную сумму денег. Однако эти условия раздела не устроили некоторых наследников, потребовавших их пересмотра. Под наблюдением назначенных самой императрицей «высокопочтенных посредников» в 1787 г. состоялся раздел огромного наследства, поделенного на пять примерно равных по стоимости частей между вдовой, тремя сыновьями (бездетный Гавриил не дожил до этого момента) и внуками. При этом была нарушена не только воля завещателя, но и границы определенных им заводских комплексов и сложившиеся производственные связи. Видимо, понимали условность такого дробления и сами наследники: известно, что Петр и Иван договорились с матерью о последующей покупке ее части и разделе между собой входивших в нее предприятий. Случившаяся вскоре продажа «вдовьей части» одному Ивану вызвала конфликт между братьями, который оставался неразрешенным до их кончины. В результате доставшаяся П. С. Яковлеву «невьянская» часть оказалась слабо обеспеченной природными ресурсами, что предопределило скорый упадок образованного на ее основе Невьянского округа.

Еще более острые конфликты между многочисленными наследниками за право управления заводами и распределения доходов возникали в случае невозможности натурального раздела уже сложившегося горнозаводского округа. Показательным в этом плане служит пример наследства титулярного советника Алексея Федоровича Турчанинова. Оно включало крупный Сысертский округ, в 1787 г. перешедший после кончины не оставившего завещания владельца вдове Филанцете Степановне (урожденной Сушиной), сыновьям Алексею, Петру и Александру, а также дочерям Екатерине, Наталье, Елизавете, Надежде и Анне. По заключенному в том же году договору, были разделены «вотчинные имения», а заводы, как «нераздробимое владение», оставались в совместной собственности девяти соучастников, каждый из которых считался владельцем отошедшей ему доли: из условных 14 долей по действующим правилам вдове достались 2, каждому из сыновей — по 2 1/3 и дочерям — по 1.

Уже в следующем году была предпринята попытка скупки долей сонаследников самой Филанцетой Степановной; в последующие годы к этому энергично подключилась дочь Наталья Алексеевна Колтовская (известная «Колтовщица» из бажовских сказов), претендовавшая на главную роль в управлении. В итоге сложились две группировки, борьба между которыми только обострилась после кончины матери в 1822 г. В семейный конфликт пришлось вмешаться Комитету министров, который определил, что «вражда между наследниками столь велика, что ничто не может их понудить к согласительному какому-нибудь положению», а заводы между тем «пришли в совершенное расстройство».²³ В 1827 г. для управления Сысертскими заводами Министерство финансов создало особую комиссию, фактически отстранившую владельцев от управления. Положение изменилось лишь после того, как «непримиримая» сестра Наталья, по выражению родственников, «препятствовавшая своими законопротивными умыслами к сохранению семейного согласия», в 1832 г. продала свои доли владения (4 1/3) незаконнорожденному сыну Павлу Дмитриевичу Соломирскому. Он сумел договориться с совладельцами о взаимных расчетах и учреждении общего управления и даже скупил доли некоторых из них, увеличив свое участие до 7 7/9 долей, чем закрепил свое ведущее положение в структуре владения.

Однако такой законный способ преодоления конфликтной ситуации путем объединения долей владения в руках одного или нескольких договороспособных лиц был затруднен при усложненном варианте перехода владения к родственникам из боковых линий, что случалось при бездетности наследодателя. Примером этого варианта преемственности и его последствий служат Невьянские заводы уже упоминавшегося Петра Саввича Яковлева, умершего бездетным в 1809 г. Во владение по закону вступили его брат Сергей и племянники — наследники братьев Ивана и Михаила. Заводы оказались во владении трех ветвей рода Яковлевых и впоследствии стали самыми «многовладельческими» на Урале: в отдельные годы одновременно у них было до 40 владельцев из далеко разошедшихся ветвей рода. На рубеже XIX и XX вв. доли владения принадлежали, например, потомку

²² Неклюдов Е. Г., Торопов А. Н. Род Яковлевых. Екатеринбург, 2013. С. 48.

²³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 25. Д. 581. Л. 3–10.

С. С. Яковлева герцогине М. Н. Лейхтенбергской (урожденной графине Граббе), потомку И. С. Яковлева графине С. П. Гендриковой (урожденной княжне Гагариной) и свойственнице М. С. Яковлева саратовской мещанке Т. А. Хомяковой. Дробное владение не привело и в этом случае к утрате собственности, но существенно затруднило управление и способствовало упадку старейших на Урале Невьянских заводов.

В подобной ситуации упоминавшийся в начале статьи князь Семен Семенович Абамелек-Лазарев заблаговременно предпринял шаги к тому, чтобы предотвратить развитие событий по невянскому сценарию. В браке с Марией Павловной Демидовой княжной Сан-Дonato у него не было детей, что грозило в дальнейшем переходом Пермского имения к ближайшим «по первородству» наследникам — сестрам князя, племянникам и даже внучатым племянникам. В 1905 г. владелец ходатайствовал «об учреждении после его смерти особого управления принадлежащим ему горнозаводским имением», что подразумевало создание семейно-паевого товарищества с четким регламентом управления и распределения доходов. Такая форма организации многовладельческих имений уже была апробирована на Урале наследниками С. С. и П. С. Яковлевых, П. П. Демидова и графа П. П. Шувалова. «В предотвращение распада крупного, прекрасно поставленного дела, созданного трудами целых поколений и могущего процветать только в целом составе», в Министерстве торговли и промышленности сочли возможным согласиться с просьбой князя. Но Министерство юстиции нашло ее «отступающей от действующих законов», поскольку предварительное установление особых условий владения нарушало права наследников.

Бесперспективность этого варианта заставила князя пойти по пути, проложенному в свое время Строгановыми, но с некоторыми нюансами. Как последний представитель рода Абамелек-Лазаревых, в 1909 г. он добился учреждения майората, в который вошли тульские имения, доставшиеся по линии отца, и петербургский дворец. После кончины князя «заповедное» имение должен был наследовать его старший племянник по линии старшей сестры княгини Е. С. Мещерской. Доставшееся ему от матери Пермское имение не вошло в майорат, но его создание в качестве основного «родового» имущества давало князю пра-

во завещать остальные свои имения, включая Пермское. Так он и поступил, составив «духовную» в 1913 г. «Всё, сверх заповедного моего имения, остающееся в России после меня имущество... в имениях, заводах, рудниках, копях, постройках и во всей движимости, в них находящейся... — писал Семен Семенович, — завещаю в голую собственность моему наследнику, которому достанется заповедное мое имение».²⁴ Жене он предоставил возможность пожизненно получать доходы от всего этого имущества за отказ от «вдовьей части». Так и произошло: после кончины С. С. Абамелек-Лазарева в 1916 г. ограниченным собственником оставшегося цельным Пермского имения стал наследник тульского майората князь Иван Сергеевич Мещерский, а пожизненной владелицей — княгиня Мария Павловна.

История более чем 50 родов уральских заводчиков, сложившихся в XVIII — начале XX в. и насчитывавших от двух до восьми поколений,²⁵ предоставляет обширную информацию об использовавшихся в то время вариантах преемственности права владения. В статье мы рассмотрели лишь малую ее часть, но при этом старались показать примеры либо типичных, либо специфических вариантов перехода «родового дела» при смене поколений владельцев. Эта процедура в Российской империи регулировалась законодательством, которое устанавливало обязательные для исполнения правила, но вместе с тем предоставляло ее участникам довольно широкий выбор вариантов транзита владения. Первостепенное значение при этом приобретал состав наследников, который мог быть как простым, включающим только сыновей или дочерей владельца, так и сложным, включающим лиц обоих полов, представителей нескольких поколений или боковых линий рода. Существенное влияние оказывала также форма организации наследуемого имущества, представлявшая собой либо обширные и довольно аморфные «горные империи», что было характерно для XVIII в., либо сбалансированные и устойчивые горнозаводские округа, как в XIX — начале XX в. В первом случае становился возможным «натуральный» раздел заводов между наследниками, во втором — более рациональным ока-

²⁴ РГИА. Ф. 880. Оп. 1. Д. 885. Л. 13–17.

²⁵ См.: Предприниматели Урала XVII — начала XX в.: справ. Екатеринбург, 2013. Вып. 1. Урал. горнозаводчики.

звался «долевой» раздел при сохранении общего владения нескольких наследников. Однако «долевой» раздел приводил к формированию многовладения с характерной для него непредсказуемостью дальнейшей судьбы «родового дела». Благоразумные заводчики пытались предотвратить возможные конфликты, осуществляя денежный и/или имущественный «выдел» части наследников. Это вело к сокращению состава владельцев и достижению основной цели — установлению стабиль-

ного и бесконфликтного владения и управления горнозаводским имением.

Отметим, что во второй половине XIX — начале XX в. заводчики стали переходить к семейно-паевой, а затем и акционерной форме владения. Меняя свой правовой статус и превращаясь из владельцев заводов во владельцев акций, они в то же время получали возможность перейти от рассмотренной нами сложной нотариальной формы преемственности права владения к упрощенной форме свободной передачи акций.

Eugeny G. Neklyudov

Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: ntplant9@mail.ru

URAL FACTORY OWNERS OF THE 18TH — EARLY 20TH CENTURY: SUCCESSION OPTIONS OF OWNERSHIP RIGHTS

Based on extensive information from the history of the Ural mining factory owners Stroganovs, Demidovs, Lazarevs, Vsevolozhsky, Beloselsky-Belozersky, Balashovs, Yakovlevs and Turchaninovs, the paper considers both typical and specific options for the continuity of ownership of factories during the change of generations. It is shown that this procedure in the 18th — early 20th century was regulated by legislation that established binding rules, but at the same time provided its participants with a fairly wide range of options for the transit of ownership. At the same time, the composition of heirs acquired paramount importance, it could be either simple, including only the owner's sons or daughters, or complex, including persons of both sexes, representatives of several generations or lateral lines of the genus. A significant influence was also exerted by the form of organization of inherited property, which represented either extensive and rather amorphous "mining empires", which was characteristic of the 18th century, or balanced and stable territorial-economic complexes — mining districts, as in the 19th — early 20th centuries. In the first case, a "natural" division of factories between the heirs became possible, in the second one, the "share" division was more rational while maintaining the common ownership of several heirs. However, this option led to the formation of multiple ownership which was characterized by unpredictability of the further fate of the "family business". The family's economic possibilities played a certain role too, making it possible to carry out the monetary and/or property "allocation" of a part of the heirs. This led to a reduction in the number of owners and the achievement of the main goal — the establishment of stable and conflict-free ownership and management of the mining plant estate.

Keywords: *Urals, 18th — early 20th century, factory owners, succession, inheritance, metallurgical districts*

REFERENCES

- Baryshnikov M. N. [Family in the institutional space of Russian entrepreneurship (experience of historical research)]. *Voprosy Ekonomiki* [Economic issues], 2005, no. 7, pp. 150–156. DOI: 10.32609/0042-8736-2005-7-150-156 (in Russ.).
- Bochkareva E. S., Neklyudov E. G. [The create of the Zlatoust metallurgical district in the Luginins possession (1760–1790)]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: sotsial'no-gumanitarnyye nauki* [Bulletin of the South Ural State University. Series: Social Sciences and the Humanities], 2020, vol. 20, no. 1, pp. 33–38. DOI: 10.14529/ssh200105 (in Russ.).
- Istoriya predprinimatel'stva v Rossii* [The history of entrepreneurship in Russia]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2000, book 1, ch. 6. (in Russ.).
- Istoriya predprinimatel'stva v Rossii* [The history of entrepreneurship in Russia]. Moscow: ROSSPEN Publ., 1999, book 2, part 3, ch. 1. (in Russ.).
- Kalendzhyan S., Volkov D. [Development of family entrepreneurship in Russia]. *Ekonomicheskaya politika* [Economic Policy], 2011, no. 5, pp. 148–154. (in Russ.).

Mezenina T. G., Mosin A. G., Mudrova N. A., Neklyudov E. G. *Rod Stroganovykh* [The Stroganov family]. Ekaterinburg: ID "Sokrat" Publ., 2007. (in Russ.).

Mentalitet i kul'tura predprinimateley Rossii XVII–XIX vv. [The mentality and culture of Russian entrepreneurs in the 17th–19th centuries]. Moscow: IRI Publ., 1996. (in Russ.).

Neklyudov E. G. [The heirs and the inheritance: forms of Demidovs' mining estate succession in the process of change of generations in the 18th – early 20th centuries]. *Ural'skij istoriceskij vestnik* [Ural Historical Journal], 2017, no. 1 (54), pp. 40–49. (in Russ.).

Neklyudov E. G. *Ural'skiye zavodchiki v pervoy polovine XIX v.: vladel'tsy i vladeniya* [Ural factory owners in the first half of the 19th century: owners and possessions]. Nizhniy Tagil: Izd-vo NTGSPA Publ., 2004. (in Russ.).

Neklyudov E. G. *Ural'skiye zavodchiki vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.: vladel'tsy i vladeniya* [Ural factory owners in the second half of the 19th – early 20th century: owners and possessions] Ekaterinburg: RIO UrO RAN Publ., 2013. (in Russ.).

Neklyudov E. G., Pirogova E. P. [Natalia Alexejevna Koltovskaya: the collisions of the personal and the public in the life of the daughter of A. F. Turchaninov] *Ural'skij istoriceskij vestnik* [Ural Historical Journal], 2010, no. 4 (29), pp. 46–54. (in Russ.).

Neklyudov E. G., Toropov A. N. *Rod Yakovlevykh* [The Yakovlev family]. Ekaterinburg: ID "Sokrat" Publ., 2013. (in Russ.).

Pavlenko N. I. *Istoriya metallurgii v Rossii XVIII v.: zavody i zavodovladel'tsy* [History of metallurgy in Russia in the 18th century: plants and plant owners]. Moscow: AN SSSR Publ., 1962. (in Russ.).

Predprinimateli Urala XVII – nachala XX v. Spravochnik [Entrepreneurs of the Urals of the 17th – early 20th century. Handbook]. Ekaterinburg: RIO UrO RAN Publ., 2013, iss. 1. (in Russ.).

Никита Акинфиевич Демидов
Художник Ф. С. Рокотов, 1760-е гг.

Николай Никитич
и Елизавета Александровна Демидовы
Литография, 1810-е гг.

Савва Яковлевич Яковлев
Художник М. Л. Колокольников, 1750-е гг.

Сергей Саввич Яковлев
Художник В. Л. Боровиковский, 1816 г.

Павел Александрович Строганов
Художник Ж.-Л. Монье, 1808 г.

Наталья Павловна Строганова
Художник А. Г. Венецианов, 1810-е–1820-е гг.

Александр Всеволодович Всеволожский
Художник В. А. Тропинин, 1830 г.

Никита Всеволодович Всеволожский
Художник Д. Доу, 1824 г.